

УДК 316.25

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Х. БУДЕ И Й. ДЮРШМИДА

Мельников Андрей Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск

У статті розглядається екзистенціальна концепція глобалізації німецьких соціологів Х. Буде та Й. Дюршміда. Аналізується критика "потокowego мейнстріму" в сучасній теорії глобалізації та його парадигмальні недоліки - надмірний акцент на проблемах просторовості, мобільності, детериторіалізації і безмежності. Представлені основні положення екзистенціального повороту в теорії глобалізації, які включають проблеми приналежності, вибору, відповідальності і ритмічності соціальних відносин. Стверджується необхідність включення концепції Х. Буде та Й. Дюршміда в загальну структуру екзистенціальної соціології.

Ключові слова: глобалізація, потоковий мейнстрім, екзистенціальний поворот, вибір, відповідальність, екзистенціальна соціологія.

В статье рассматривается экзистенциальная концепция глобализации немецких социологов Х. Буде и Й. Дюршмида. Анализируется критика "потокowego мейнстрима" в современной теории глобализации и его парадигмальные недостатки – чрезмерный акцент на проблемах пространственности, мобильности, детерриториализации и безграничности. Представлены основные положения экзистенциального поворота в теории глобализации, которые включают проблемы принадлежности, выбора, ответственности и ритмичности социальных отношений. Утверждается необходимость включения концепции Х. Буде и Й. Дюршмида в общую структуру экзистенциальной социологии.

Ключевые слова: глобализация, потоковый мейнстрим, экзистенциальный поворот, выбор, ответственность, экзистенциальная социология.

Paper discusses the sociological conception of globalization of German sociologists H. Bude and J. Durrschmidt. Criticism of "flow speak" in the modern theory of globalization is analyzed by consideration of its paradigmatic flaws - excessive emphasis on the problems of spatiality, mobility, deterritorialization and unlimitness. There is presentation of main aspects of the existential turn in the theory of globalization, which include problems of belonging, choice, responsibility and rhythmicity of social.

The formulation of the problem based on the assertion that in the past two decades the theory of globalization has become a major sociological theory in the study of modern society. In terms of institutionalization of globalization theory arises a certain effect of slowing its development, and making new researches of globalization issues relevant.

Bude and Durschmidt made ambitious attempt to revise the theory of globalization, arguing that the key problems and limitations of this theory are the so-called "rhetoric of global flows" or "flow speak" and "flattened", one-dimensional ontology. The main idea of this view is the shift of perspective from excessive emphasis on mobility and deterritorialization to "existential turn". As a symbolic example of main idea German authors present a phenomenological image of "homecomer" (A. Schutz), who embodies the ambivalence of simultaneous commitment to a global perspective and constant fidelity to social connections. The essence of the existential turn in the theory of globalization, in their view, is a deeper, phenomenological examination of the globalization process as "a way of being-in-the-world".

Arguing about the necessity of existential revision of globalization, German sociologists are inclined to the position that the theory of globalization has slowed and even stopped its development. However, rather than abandon this theory, it needs reorientation towards existential perspective, which is ignored by its "flow speak" disembodied from the material and institutional context of global culture reproduction. This "flow speak" hypertrophied mobility problems and deterritorialization, thus created "disembodied" model of social practices. If the study of globalization methodologically will be based on the existential reality of individuals, the focus of this study should be forwarded to "lived selectivity" or that fact that the irreversibility of life imposes restrictions on the possibilities of global flows.

Existential conception of globalization by Bude and Durschmidt can't be stated as complete and systematic. Nevertheless it is one of the first attempts at a constructive and reasoned criticism of the theory of globalization. There is also strong need for integration of this conception to the general framework of

existential sociology (Californian school, M. Bolle de Bal), which is one of the most relevant approaches to the analysis of modern society.

Keywords: globalization, “flow speak”, existential turn, choice, responsibility, existential sociology.

В последние два десятилетия теория глобализации стала одной из основных социологических теорий в изучении современного общества. В условиях институционализации теории глобализации возникает определенный эффект замедления темпов ее развития, что делает актуальными новые исследовательские поиски в глобализационной проблематике. Одним из направлений таких поисков может стать экзистенциальная концепция глобализации, представленная немецкими социологами из Кассельского университета Хайнцом Буде и Йоргом Дюршмидтом.

Современная теория глобализации в социологии представлена широким кругом исследователей, к основным из которых принято относить Р. Робертсона (глобальная культура и глокализация), М. Элброу, А. Аппадурай (концепция воображаемых миров), И. Валлерстайна (мир-ситемный анализ), З. Баумана (концепция текучей современности), Э. Гидденса (теория высокой современности), С. Лэша, Дж. Урри, Г. Терборна, У. Бека (концепция общества риска), М. Кастельса (теория сетевого общества). При этом теория глобализации фактически не рассматривалась с позиции экзистенциальной социологии (Э. Тирикьян, калифорнийская школа, М. Болль да Баль). Исходя из этого, основной целью данной статьи выступает историко-социологическая и теоретическая репрезентация экзистенциальной концепции глобализации Х. Буде и Ю. Дюршмидта, тогда как более долгосрочная перспектива исследования заключается в последующей интеграции данной концепции в структуру общей теории экзистенциальной социологии.

Буде и Дюршмидт предприняли претенциозную попытку пересмотра теории глобализации, утверждая, что ключевыми проблемами и ограничениями этой теории являются так называемая “риторика глобальных потоков” или “поточковый мейнстрим” (flow speak) и их “плоская” онтология [5]. Главной идеей такого пересмотра является смещение перспективы исследований от чрезмерного акцента на мобильности и детерриториализации к “экзистенциальному повороту”, который включает в себя проблемы принадлежности, выбора, ответственности и ритмичности социальных отношений. В качестве символического примера своей главной идеи авторы приводят феноменологический образ “возвращающегося домой” А. Шюца, который воплощает в себе амбивалентность одновременного стремления к глобальной перспективе и верности постоянным социальным связям. Суть экзистенциального поворота в теории глобализации, с их точки зрения, заключается в более глубоком, феноменологическом рассмотрении глобализационных процессов как “способа бытия в мире”.

Говоря о необходимости экзистенциального пересмотра глобализации, немецкие социологи склоняются к позиции, согласно которой теория глобализации замедлила и даже прекратила свое развитие. Однако вместо того, чтобы отказаться от этой теории, необходима ее существенная переориентация в сторону уже содержащейся в ней экзистенциальной проблематики, которая игнорируется ее “поточковым мейнстримом”, оторванным от материального и институционального контекста воспроизводства глобальной культуры. Этот “поточковый мейнстрим” гипертрофировал проблематику мобильности и детерриториализации, тем самым создав некую “развоплощенную” модель социальных практик, констатирующую феномен технологического сокращения пространства.

Критикуя “поточковый мейнстрим”, сторонники экзистенциального поворота обращают внимание на два его парадигмальных недостатка. Первым недостатком является оторванность от понимания реальной жизни людей – социальной экзистенции и ее амбивалентности, аффективности, телесности и ритмичности. Ко второму недостатку относится спатиализация (англ. *spatial* – пространственный) социального через присущую постмодернизму тенденцию описания глобальной культуры как одновременного сетевого мира разнообразных современностей и культур. Таким образом, устанавливается примат пространственного анализа над темпоральным, линейно-прогрессивным анализом, что предполагает акцент на расширении и сопоставлении, и игнорирование “ритмичности социального и темпорализации локального”, а общим результатом этого “пространственного поворота” становится эффект “уплощения социальных процессов” [5, с. 483]. В итоге оторванность от экзистенциального уровня реальности и преувеличение пространственности и квазисинхронности приводят теорию глобализации к потере самой идеи ограничения. Такая утрата осознания границ, в частности, заложена в тезисе о связи “текучего” общества с потреблением в его потенциально безграничном стремлении удовлетворения бесконечных желаний (З. Бауман), а также в подчеркивании ощущения всеобщего соприсутствия, вездесущности, одномоментности.

В противовес рассмотренной трактовке, Буде и Дюршмидт предлагают сместить акцент теории глобализации в сторону понятий выбора и ограниченности, которые, по их мнению, на самом деле

определяют повседневную реальность индивидов. Так, если при изучении глобализации методологически основываться на экзистенциальной реальности конкретных индивидов, то основное внимание такого изучения должно быть обращено на “живую селективность”, то есть на тот “простой факт, что необратимость жизни накладывает ограничения на вездесущность и мультиопциональность” [5, с. 484]. Данное смещение перспектив привносит антрополого-феноменологическое понимание глобализации и редуцирует глобальное состояние человека до состояния человека как такового. Этот уровень анализа показывает, что не конечность глобальности, но, скорее, конечность индивидуальной жизни, определяет опыт человека и глобализация с ее изменением пространства и потреблением не смогла устранить осознание этого факта. Последнее утверждение немецких теоретиков перекликается с положениями Э. Гидденса, который ранее уже обращал внимание на противоречивые тенденции современности, заключающиеся в институциональной изоляции и репрессии таких видов опыта, которые затрагивают экзистенциальные вопросы и, одновременно – в обострении этих экзистенциальных вопросов, связанных с проблемами смысла жизни, страдания, осознанности [1].

Очертив основные параметры экзистенциальной теории глобализации, Буде и Дюршмидт предлагают концептуальные построения, на которых, по их замыслу, эта теория сможет удерживаться. Несколько обобщив вводную часть своей теории в виде понятия живой селективности, они предлагают рассмотреть это понятие сквозь призму проблем *мобильности, территориальности и принадлежности*.

Обращаясь к проблеме *мобильности*, немецкие социологи отмечают, что она приобрела статус одной из основных проблем теории глобализации, раскрывая феномен внезапного увеличения дистанций и скорости перемещения в современном обществе, ознаменовавший начало так называемой “эпохи миграций”. Развитие данного положения способствовало созданию образа безграничного потокового мира, возникшего благодаря технологической революции в области транспорта и коммуникационных технологий. Связь между глобализацией и мобильностью не вызвала сомнений, тогда как дифференциация этой связи от более абстрактных форм (таких, как передача информации) к менее абстрактным формам (первичные группы) осталась в целом недооцененной. Вместе с тем, недостаточно убедительна и эмпирическая аргументация возникновения эпохи миграций (т.н. “казуальный эмпиризм”). Например, согласно различным данным, за пределами родины проживает от 1,7 до 3% населения планеты [5, с. 485], что даже с учетом нелегальной миграции и других факторов действительно указывает скорее на преувеличенность масштабов глобализационных процессов. В дополнение к этому стоит обратить внимание и на новые процессы деглобализации, связанные с изменениями в экономике, безопасности, где вместо “социологии за пределами обществ” (Дж. Урри) возникают контртенденции “иммобильности” и “анклавного общества” (Б. Тернер) [2; 6], а их экзистенциальным измерением выступает противоречие между высокими возможностями и низкой степенью реализации: наличие широких возможностей выбора не всегда означает способность действия.

В отношении проблемы мобильности экзистенциальная теория глобализации указывает на принципиальную важность фактора социокультурной контекстуальности и воплощенности. Эмпирические исследования показывают, что в реальных условиях определенного контекста возникают такие аспекты иммобильности, как стратификация (доступность мобильности), семейные и этнические связи, язык, занятость и др.¹⁰. Потенциальные мигранты сталкиваются с целым спектром негативных эффектов, где к уже перечисленным характеристикам добавляются привязанность к месту рождения и продолжительного проживания, ностальгия, ощущение безопасности благодаря первичным социальным связям и т.д. Таким образом, в изучении мобильности важным становится понимание индивидуальных жизненных траекторий и их экзистенциального основания, несущего в себе дилемму возможности/реализации, выраженную в риске самоутверждения как стремления к лучшей жизни и страха потери уже приобретенного капитала во всех его проявлениях.

В качестве второго элемента понятия живой селективности Буде и Дюршмидт рассматривают проблему *территориальности*. В отличие от линейных теорий модернизации, теория глобализации сделала акцент на пространственности и детерриториализации. Однако, как только затрагивается стратификационное измерение потокового мейнстрима, обнаруживается, что он на самом деле касается малой части мирового населения, тогда как на повседневном уровне большинства открывается преобладание обязанности и ответственности над глобализационной детерриториализацией. Жизненные ограничения пространства определяются в данном случае принципом присутствия здесь-и-сейчас. Причем попытка сохранения открытости пространству сталкивается с феноменом трансклюзивности –

¹⁰ Подтверждая эту идею, эмпирические данные в отношении украинского общества показывают, что 60,1% респондентов никогда не выезжали за границу. Большинство среди тех, кто выезжал за границу, посещали страны бывшего СССР и только 9,4% посещали страны ЕС, а 5,3% – другие страны мира [4, с. 536].

“неустойчивым балансированием в открывании и закрывании транслокального ландшафта возможностей и обязательств” [5, с. 488]. Этот феномен больше указывает на тенденцию отчуждения от глобально-трансцендентного “там” в пользу повседневного здесь-и-сейчас. И даже если исключить стратификационный фактор глобализации, на “горизонтальном” уровне также наблюдается преувеличение фактора детерриториализации и игнорирование ситуационных тонкостей пространства, простейшими формами которых являются никуда не исчезнувшие границы государств.

Простая на первый взгляд идея детерриториализации при более близком рассмотрении раскрывает сложное соотношение между абстрактно-технической связностью и культурной близостью. Опираясь на концепцию релевантности А. Щюца, немецкие социологи отмечают, что экзистенциальное измерение мира всегда лимитировано и предполагает наличие определенных ограничений, что подразумевает тенденцию преобладания культурной близости здесь-и-сейчас над абстрактно-технической связностью детерриториализации. Иначе говоря, потоковый мейнстрим неверно расставляет акценты в пользу последнего из названных факторов глобализации. Экзистенциально-феноменологический подход, напротив, предполагает, что связь между живой селективностью и проблемой территориальности заключается в том, что расширение релевантности угрожает идентичности, тогда как контекстуальная селективность в конкретной социокультурной среде становится основным фактором конституирования самости. Ссылаясь на эмпирические исследования, Буде и Дюршмидт также приходят к выводу, что важной проблемой для экзистенциальной социологии глобализации в отношении детерриториализации становится способность социальных отношений связывать людей и включать их в общую эмоционально окрашенную реальность конкретной территории, которая и составляет более широкую реальность глобального мира.

Наконец, третьей составляющей понятия живой селективности выступает по Буде и Дюршмидту проблема *принадлежности*, которая наиболее емко выражается в образе “дома”. В контексте глобализации принадлежность связана с несколько отличными друг от друга чувствами ностальгии и тоски по родине/дому (*homesickness*), которые соответственно ориентированы на прошлое и будущее. Тоска по родине выражает исконное стремление человека к ответственности и обязательству, потребность в корнях. Однако стремление к укорененности, как можно было бы предполагать, не ведет к закрытости и изоляции, а напротив - способствует формированию фундаментальной открытости миру. Принадлежность заключается в социальных связях, чувстве отнесенности с определенным социальным целым, чего не обеспечивает глобализация, в которой лишь феномен инвайронментализма можно считать слабым аналогом укорененности, и то лишь благодаря его метафорическому образу планеты как общего дома.

В связи с важностью потребности в укорененности, востребованным методом экзистенциального похода к глобализации становится “этнография тоски по родине/дому” [5, с. 493], а его теоретическим обеспечением – концепция “возвращающегося домой” А. Щюца. Образ возвращающегося домой, перенесенный в условия современного общества, указывает на тот факт, что “дом может быть открыт глобальному миру..., но глобальный мир не является нашим домом” [5, с. 493]. Возвращение домой не означает полного отказа от глобального мира, но предполагает место отдыха и отправной пункт для включенности в более широкую социальную реальность. Вместе с тем, фигура возвращающегося домой является способом экзистенциального снятия противоречия между возможностями участия в глобальном детерриториальном пространстве и индивидуальной жизненной траекторией, между разрывом социальных связей и их созданием или сохранением. Характеристикой возвращающегося домой также является осознание им необратимости изменений и течения времени, в связи с чем его жизненной задачей становится сопоставление различий и переоценка установившегося положения и именно эта задача была ранее обозначена как *трансклюзия*.

Рассмотрев три составляющие живой селективности (мобильность, территориальность и принадлежность), Буде и Дюршмидт замыкают свою концепцию отдельным анализом проблемы действия в дихотомии возможности и ответственности. Переход от потокового мейнстрима к экзистенциальной теории открывает для социологов панораму влияния глобализации на конкретных людей в их повседневных социальных ситуациях. Так, вопреки абстрактным стереотипам потокового мейнстрима было показано, что “мобильность имеет свою цену, расстояние имеет значение, а ‘глобальная среда’ – не идеальное место отдыха для фрагментированного Я” [5, с. 494]. При таком развороте проблематики обращают на себя внимание требующие четкого ответа фундаментальные экзистенциальные вопросы о том, какова принадлежность человека в глобальном масштабе, может ли он отказаться от всего самого близкого и родного, и наконец – как конкретно он будет жить. Эти вопросы вновь открывают нам традиционные философские дилеммы и проблему природы человека, который, осознавая себя, обречен выбирать жизненную траекторию в широком поле возможностей.

С точки зрения немецких социологов, экзистенциальный подход к глобализации подчеркивает важность проблемы выбора как фундаментальной потребности в структурировании мира в условиях “непрерывной трансценденции момента здесь и сейчас”, а наиболее существенной особенностью этой

проблеми является то, что “возможность легкого перемещения в глобальном пространстве меркнет на фоне экзистенциального вакуума, который возникает из структурного различия между возможностью и ограниченностью” [5, с. 494]. Одна из причин этого негативного эффекта заключается в отсутствии абсолютной уверенности в том, что выбор сделан правильно, поскольку отсутствует ясная предельная цель существования. Обреченный выбирать в широчайшем поле возможностей, что само по себе может иметь негативное воздействие, индивид испытывает чувства страха и тревоги в отношении как совершенных, так и предстоящих решений. Своего рода противовесом выбора со всеми его негативными эффектами становится ответственность за выбор и, таким образом, принадлежность и обязательства.

В своих итоговых тезисах Х. Буде и Й. Дюршмидт отмечают, что экзистенциальный поворот в теории глобализации не предполагает отказ от предыдущих наработок, но призывает вернуться к центральной социологической категории социальной связи, рассматриваемой с позиции социального актора. Это позволит взглянуть на глобализацию не только как на “уходящую” тенденцию разрыва социальных связей, но и как на обратную, “возвращающуюся” тенденцию восстановления связей, и именно поэтому “возвращающийся домой” может стать новым символом современной эпохи. Главной характеристикой этой новой эпохи и будет поиск социальной связности и единения.

Анализ экзистенциальной концепции глобализации немецких социологов Хайнца Буде и Йорга Дюршмидта показывает, что эта концепция имеет декларативный характер и находится на начальной стадии своего развития. На этот факт указывают невысокий уровень систематизации понятийно-категориального аппарата, теоретическое наложение и повторение методологических принципов, отсутствие строгих дефиниций. Тем не менее, данная концепция является одной из первых попыток аргументированной критики доминирующей в теории глобализации концепции потоков. Важность исследований Буде и Дюршмидта заключается в том, что критика “потокового мейнстрима” осуществляется именно с позиции экзистенциальной социологии, которая является одним из наиболее востребованных и релевантных подходов в осмыслении современного общества [см. 3].

К основным положениям экзистенциального поворота в теории глобализации можно отнести следующие:

- потоковый мейнстрим привел к стагнации теории глобализации из-за оторванности от повседневной социальной реальности (экзистенции) и чрезмерного акцента на проблемах мобильности и детерриториализации, что привело к развитию спатиализации, “плоской” онтологии и потере принципа ограниченности;
- необходима методологическая переориентация от абстрактного к конкретному и ситуационному;
- исследовательский акцент должен быть сделан на проблеме экзистенциального выбора и основанных на нем феноменах ограниченности, временности, ответственности, принадлежности и социальной связи, которые в условиях глобализации проявляются в живой селективности и трансклюзивности, отражающих баланс возможностей и способности их реализации, амбивалентность стремления к глобальному состоянию и верности постоянным социальным связям.

Говоря о перспективах развития экзистенциальной концепции глобализации Х. Буде и Й. Дюршмидта, следует отметить, что вместо развития этой концепции как относительно самостоятельного направления, необходима ее интеграция в структуру экзистенциальной социологии (Э. Тирикьян, калифорнийская школа, М. Боль да Баль). Такая стратегия будет способствовать обоюдному повышению уровня систематизации и обоснованности, а, следовательно, и более глубокому осмыслению современной социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Мельников А. С. Экзистенциальная теория общества в социологии Э. Гидденса / А. С. Мельников // Соціологічні дослідження : Збірник наукових праць. – № 12. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2012. – С. 75-87. 2. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 3. Мельников А. С. Экзистенциальный поворот у сучасній соціології / А. С. Мельніков // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2011. – № 2. – С. 160-177. 4. Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг. – К. : ІС НАНУ, 2013. 5. Bude H. What's wrong with globalization?: Contra 'flow speak' – towards an existential turn in the theory of globalization / H. Bude, J. Dürschmidt // European Journal of Social Theory. – 2010. – Vol. 13. – P. 481-500. 6. Turner B. The enclave society: towards a sociology of immobility // European Journal of Social Theory. – 2007. – Vol. 10 (2). – P. 287-303.